

С-128ух:

485-1/1

Л. САВЕЛЬЕВ

УМЕЙ ХРАНИТЬ ВОЕННУЮ ТАЙНУ

В О Е Н Н О Е И З Д А Т Е Л Ь С Т В О
Н А Р О Д Н О Г О К О М И С С А Р И А Т А О Б О Р О Н Ы
М О С К В А — 1945

Цена 30 коп.

V.N. Karazin Kharkiv National University

00747620

0

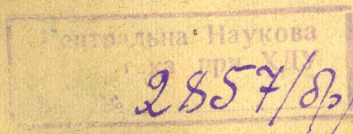

С-128-42

Ф. 45

Л. САВЕЛЬЕВ

УМЕЙ ХРАНИТЬ ВОЕННУЮ ТАЙНУ

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ОБОРОНЫ
МОСКВА—1945

58

RECEIVED

AMEN XRAY
BOHANNAN JAMES

1. ГИТЛЕРОВСКИЕ ШПИОНЫ

Как-то вечером в Москве, на станции метро «Комсомольская», комендантский патруль остановил двух увлечённых разговором офицеров. С деланной и снисходительной небрежностью, как бы сожалея об излишне затраченном времени, офицеры полезли в карманы и предъявили документы.

Всё казалось в полном порядке. Капитан с орденом Красной Звезды на груди недавно вышел из госпиталя, получил месячный отпуск и приехал в Москву. Старший лейтенант с медалью «За отвагу» находится в Москве в командировке. У обоих удостоверения личности, расчётные книжки, продовольственные аттестаты со всеми нужными отметками. Документы по форме зарегистрированы у коменданта города.

Итак, все казалось в порядке... Но смутное чувство подозрения осталось у офицера, проверившего документы. От его зоркого наметанного глаза не ускользнула подчёркнутая развязность

В ответах и движениях и та поспешность, с какой капитан взял обратно свои документы, поспешность, за которой чувствовался скрытый вздох облегчения.

Под невинным предлогом задержанных попросили пройти в комендатуру. И сделали это с полным основанием. Вот что выяснилось в дальнейшем.

Ч. — сын раскулаченного. В своё время вступил в комсомол и до самой войны работал в Сибири агрономом МТС. На фронте был легко ранен в ногу и очутился в плену.

К. был кладовщиком в Рязанской области. Война застала его в исправительно-трудовых лагерях, где он отбывал трёхлетнее наказание за воровство. Попросился на фронт. Здесь он вторично был осуждён, уже военным трибуналом, за воинское преступление. Исполнение приговора было, однако, отсрочено до окончания войны с тем, что если К. проявит себя должным образом в бою, наказание может быть снижено или вовсе снято. Однажды, когда часть выходила из боя, К. был легко ранен осколком. Рана была пустяковая и никак не могла служить поводом, чтобы отстать от остальных бойцов. Однако К. расположился в кустах и стал перевязывать «рану». Здесь его немцы и взяли в плен.

Пути Ч. и К. сошлись в гитлеровской школе шпионов, куда оба в конце концов попали после того, как были завербованы для шпионской ра-

боты в СССР. В школе они прошли обучение как радисты-разведчики промышленных предприятий; забросили их на парашюте в советский тыл, неподалеку от небольшой станции, расположенной на магистральной железной дороге.

Шпионы получили задание: прибыть в Н-ск, разузнать, пущен ли строящийся завод, установить, какую и в каком объёме он выпускает продукцию, и обо всём этом радировать немцам. Затем пробраться в один из городов этой же области, посетить некую «Елену Павловну», передать ей питание для рации, вещевой мешок с одеждой и деньги. Выполнив эту часть задания, шпионы должны были попытаться в течение двух-трёх месяцев разъезжать по Советскому Союзу. Им было поручено вести наблюдения, заводить знакомства и передавать по радио всё, что может интересовать немецкую разведку. По истечении установленного срока они должны были возвратиться.

Перед отправкой шпионов вооружили, обмундировали, снабдили портативной рацией, советскими деньгами и несколькими комплектами документов в различных вариантах.

Им выдали литеры для проезда от станции, находившейся в районе предполагавшегося прыжка, до Н-ска, затем от Н-ска до города, в котором проживает «Елена Павловна», а также бланки продовольственных аттестатов с соответствующими пометками. Одного из шпионов

«удостоили» орденом Красной Звезды, другого — медалью «За отвагу»; к «наградам» присоединили искусно сфабрикованные документы — орденскую книжку и временное удостоверение на медаль.

Для каждого маршрута была разработана «легенда». На пути в Н-ск Ч. и К. должны были выдавать себя за командиров, направляющихся в запасный полк, — об этом имелось командировочное предписание. В дальнейших поездках шпионы должны были играть роль офицеров, вышедших из госпиталя и находящихся в отпуску. На тот случай, если придётся где-либо прожить продолжительное время, Ч. имел документы «гражданского варианта» — партийный билет с отметкой об уплате членских взносов за последний месяц, паспорт, свидетельство об освобождении от военной службы. Имелись также бланки тщательно оформленных командировочных предписаний и довольственных аттестатов, но без даты: её следовало проставить в зависимости от обстоятельств.

По окончании «работы» шпионам предложено было явиться в отдел кадров МВО, сообщить, что у них истёк срок отпуска после госпиталя (документы на сей счёт имелись), добиться отправки в действующую армию и затем обратиться через линию фронта.

Переход линии фронта был тоже предусмотрен заранее: для этой цели имелись доку-

менты, якобы выданные Н-ской инженерно-сапёрной бригадой. Шпионы должны были действовать под видом представителей этой бригады, командированных для определения на местности точек, где будут возводиться инженерные сооружения. Эти документы давали возможность беспрепятственно расхаживать на самой линии фронта. Улучив удобный момент, шпионы должны были переправиться к немцам.

...Тёмной ночью немецкий самолёт забросил парашютистов в назначенный пункт. Приземление прошло благополучно, если не считать утери мешка с вещами и рацией: он попал в пруд и затонул. Это обстоятельство несколько нарушило предварительно намеченный план: потеряв рацию, шпионы тем самым лишились средства связи со своими хозяевами, но выхода не было, и они решили приступить к выполнению второй части задания.

Ч. и К. разъезжали свыше месяца. Нигде никаких осложнений с документами не было. Пробрались они и в один небольшой городок, где Ч. в своё время прожил несколько лет. Встретились старые знакомые. На расспросы Ч. отвечал таинственным шопотом:

— Был в партизанах. Теперь в отпуску. Вскоре снова поеду «туда»... А это, — указывал он на К., — мой лучший друг, вместе партизанили...

За время всех этих странствий были интересные встречи: как-то в метро шпионы увидели знакомое лицо — офицера с погонами старшего лейтенанта административной службы. Оказалось, что они вместе обучались в одной и той же немецкой шпионской школе. «Офицер» находился в Москве также со шпионским заданием.

Ещё одна встреча произошла позднее — в тюрьме. Случайным сожителем по камере оказался ещё один «слушатель» всё той же немецкой школы шпионов.

* * *

Приведённый эпизод весьма убедительно показывает, какими методами действует немецко-фашистская разведка, забрасывающая шпионов в нашу страну. Он говорит также и о том, что кое-где у нас ещё имеются ротозеи. Ведь только вследствие притупления бдительности два шпиона Ч. и К. могли в течение месяца разъезжать, пользуясь поддельными документами. Стоило лишь более внимательно к ним приглядеться, как это сделал комендантский патруль на станции метро, и оба фашистских наймита оказались разоблачёнными и обезвреженными.

На тех, кто проверял и штамповал фальшивые бумажки, предъявляемые этими шпионами, успокоительно действовал вид офицеров с наградами; при этом они совершенно забыли

о том, что немецко-фашистская разведка маскирует своих агентов так, чтобы они не внушали подозрений.

А вот этого как раз и нельзя забывать.

Немецкая разведка всегда старалась засылать к нам шпионов. Немцы насаждали своих агентов в России ещё задолго до первой мировой войны. Сразу же после разгрома Германии в первую мировую войну немецкая разведка стала обновлять и расширять свою потрёпанную сеть, создавать новые шпионские гнезда, засылать агентов в глубокий тыл Советской страны. Многим старым резидентам было предложено на известное время вовсе прекратить шпионаж. Их держали в резерве, с тем чтобы использовать после начала новой войны, к которой немцы готовились уже давно.

Всем этим далеко идущим планам и намерениям немецко-фашистской разведки был в нашей стране нанесён сокрушительный, уничтожающий удар. Карающие органы советской власти при неограниченной помощи и поддержке широких народных масс разоблачили и обезвредили фашистскую агентуру в нашей стране. Однако всё это не означает, что гитлеровцы, как это видно хотя бы из приведённого выше эпизода с Ч. и К., отказались от попыток засылать свою агентуру в пределы СССР.

Агенты, которых фашистская разведка намечает к засылке в нашу страну, получают обычно определённые задания. Одним вменяется в обя-

ванность остаться на постоянное жительство в прифронтовом или приграничном районе и там организовать шпионский пункт, который мог бы действовать длительное время.

Такому резиденту нередко поручают оборудовать явочную квартиру, а также выполнять роль вербовщика.

Другого рода агентам приказывают пробраться в глубокий тыл и приложить все усилия к тому, чтобы устроиться на работу в какой-либо отрасли хозяйства, более всего интересующей в данном случае разведку. Выдавая себя за «активиста», такой шпион может попытаться пробраться и в партию. В практике борьбы с подрывной работой немецко-фашистской разведки известны случаи, когда разоблачали шпионов, которым иной раз удавалось пробраться и на довольно ответственные посты.

Уловки и ухищрения фашистских шпионов, с помощью которых они пытаются проникнуть в нашу страну, достаточно разнообразны. Нет такой подлости, перед применением которой остановилась бы немецко-фашистская разведка, когда речь идёт о достижении поставленной ею цели. Один из способов, к которому прибегают немцы, создавая шпионскую сеть, — это вербовка агентов внутри страны. Немцев интересуют сотрудники военных учреждений, государственного аппарата, промышленности, транспорта. Для осуществления поставленной задачи шпионы применяют самые изощрённые методы,

провоцируют всякого рода трения, плетут интриги как на служебной, так и на семейной почве.

Нередко агентам, предназначенным к переброске в СССР, наносят хирургическим путём умышленное ранение. Таких шпионов одевают в форму рядового или офицера Красной Армии и снабжают документами. Уже одно пребывание в госпитале, куда иной раз всё же попадает такой «раненый», может дать шпиону богатый материал. Поставщиками такого материала являются словоохотливые люди, неразборчивые в выборе друзей и охотно рассказывающие всё, что они слышали на фронте.

Вот почему находящиеся на излечении в госпитале должны постоянно помнить, что и здесь надо быть сдержанным в разговоре, т. е. избегать упоминания о том, что прямо или косвенно является военной тайной.

Такие способы переброски агентуры, как переход через линию фронта или спуск с парашютом, связаны с известным риском; значительно проще оставить шпиона в населённом пункте в тот момент, когда его покидают германские войска, отступающие под ударами Красной Армии. К этому способу немцы особенно охотно начали прибегать с тех пор, как их отступление стало носить непрерывный и постоянный характер. Прикинувшись местным жителем, «пострадавшим» от немцев, такой «забитый» вражеский лазутчик, как правило, пытается заслужить доверие советских людей.

Очищение освобождённой территории от оставленных там немецких агентов всегда вызывало много забот у органов контрразведки. Ещё во время первой мировой войны союзники придавали огромное значение борьбе с немецким шпионажем на территории, освобождаемой от немецких войск. В частности известно, что в бельгийских городах Монсе, Шарлеруа, Намюре и других были арестованы все женщины, которые сожительствовали с немцами, так как в каждой из них легко было заподозрить немецкого шпиона.

Многочисленные факты, имеющиеся в распоряжении советских судебно-следственных органов, показывают, что гитлеровцы весьма настойчиво пытаются оставлять своих шпионов в очищаемых от них городах и сёлах.

Военнослужащий, находящийся в прифронтовой полосе, на освобождённой от немцев территории, обязан ежечасно помнить об этом и делать отсюда практические выводы. Каждый боец, сержант, офицер, каждый вольнонаёмный работник Красной Армии обязан проявлять повышенную бдительность, быть особенно разборчивым в выборе знакомств, всячески остерегаться случайных связей, не принимать участия в выпивке с людьми, которых он не знает достаточно хорошо.

Приводимый ниже случай из практики одного фронтового трибунала наглядно показывает, к каким коварным уловкам прибегает немецкая

разведка в своих попытках насадить шпионов в нашем тылу.

Это было в одном небольшом украинском областном городе. Немцев вышибли отсюда неожиданным и стремительным ударом, поэтому особенно сильных разрушений они нанести не успели. Сразу после освобождения от гитлеровских захватчиков город начал залечивать свои раны; жизнь стала налаживаться. Из партизанских отрядов, действовавших в области, возвратились работники местных партийных и советских органов. Вместе с бывшими партизанами в возрождении города принимали участие активисты из местного населения.

Среди таких активисток оказалась некая Нина К., о которой было известно, что при немцах её раза три-четыре арестовывали, обвиняя в связи с партизанами. Но всякий раз ей удавалось вырваться из тюрьмы. Она объясняла это тем, что за неё заступался немецкий офицер, проживавший у неё на квартире. В последний раз немцы арестовали её накануне своего бегства из города. И если бы не стремительное наступление Красной Армии, освободившей из тюрьмы группу арестованных советских людей, утверждала Нина К., — кто знает, была ли бы она в живых...

Уже на другой день после выхода из тюрьмы Нина К. явилась в горсовет благодарить советскую власть за освобождение от кошмара немецкой оккупации. Эта молодая, стройная жен-

щина, неплохо выглядевшая, несмотря на всё пережитое, заявила, что считает невозможным сидеть сложа руки хотя бы один день, и потребовала работы.

Как бывшей сотруднице детского сада, Нине К. поручили заняться учётом ребят, нуждающихся в том, чтобы государство о них позаботилось. Вместе с группой других женщин она горячо взялась за дело. Выполняла она и другие поручения горсовета, а затем поступила в столовую местного военторга.

Среди работников столовой была комсомолка Вера Терещенко. Эта наблюдательная девушка обнаружила в поведении Нины К. некоторые странности. Возникли смутные подозрения, которыми она поделилась с начальником.

Подозрения не оказались беспочвенными. Обыкновенная советская девушка, комсомолка Вера Терещенко проявила подлинную большевистскую бдительность и разоблачила немецкую шпионку.

Вот что выяснилось в дальнейшем.

До войны Нина К. работала сестрой в детском доме. Когда-то была замужем, но с мужем разошлась. Когда немцы вступили в город, Нина не успела эвакуироваться. Впрочем, она и не особенно стремилась к этому, так как решила, что, поскольку она не является советской активисткой, ей и впрямь опасаться нечего. Жаль было также бросать хорошую комнату и накопленное имущество... И Нина решила остаться...

В квартире, где проживала К., поселилось двое немецких офицеров. Остальные жильцы из квартиры эвакуировались, и Нина осталась одна, выполняя роль квартирохозяйки: она убирала, готовила пищу. В городе с приходом немцев воцарился голод, однако Нины это не коснулось. Она попрежнему хорошо выглядела, следила за собой, недурно одевалась, и немногие оставшиеся в городе советские люди из прежних знакомых, видя, что она спуталась с немцами, отвернулись от неё.

Спустя несколько месяцев после прихода немцев Нину К. арестовали и посадили в тюрьму. Вскоре однако она снова появилась в городе и навестила кое-кого из родственников арестованных, с которыми она сидела в общей камере. Она передала приветы и, обливаясь слезами, вспоминала о перенесенном в фашистской тюрьме. Но ей страшно повезло: несмотря на обвинение в связях с партизанами, её всё-таки освободили.

— Это благодаря офицерам, которые живут у меня на квартире, — объяснила она. — Они за меня хлопотали. Им понравилось, как я их обслуживаю...

После ареста некоторые знакомые Нины К., отвернувшиеся было от неё, переменили своё к ней отношение. Её пожалели. Всё же время страшное, женщина одинокая, да ещё чудом спасшаяся из тюрьмы.

Месяца через три-четыре Нину К. вновь арестовали.

Но история вновь странным образом повторилась: её выпустили через несколько недель. Как и в первый раз, она передала приветы от нескольких несчастных, с которыми ей довелось сидеть в одной камере. Родственники, впрочем, больше не увидели своих близких. Так же, как и те, от кого Нина принесла приветы в первый раз, эти советские люди были расстреляны немцами. И на сей раз Нину, по её словам, выручили квартиранты.

Примерно через полгода вся история с арестом повторилась в третий раз: снова арест по подозрению в связях с партизанами, снова заступничество квартирантов — немецких офицеров, сравнительно быстрое освобождение и последние приветы от заключённых, обречённых на гибель...

Уже впоследствии, когда Нина К. была, благодаря бдительности советской девушки, разоблачена как фашистская шпионка, выяснилось, что вся эта история с арестами была всего лишь хитроумной маскировкой шпионки.

Нина К., малоустойчивая и безнравственная женщина, вскоре после того, как в её квартире поселились немецкие офицеры (оба они оказались гестаповцами), нашла с ними общий язык. Они соблазнили её разными подачками, а после войны пообещали взять с собой в Германию.

Всё это возымело своё действие, и Нина быстро дала себя завербовать.

Строя свою шпионскую сеть, немецкая разведка заглядывает в будущее. Уже сейчас она подбирает таких агентов, которые могли бы ей быть полезными и через 15—20 лет, т. е. к сроку, когда, по расчётам обанкротившихся гитлеровских сумасбродов, они снова попытаются взять реванш за понесенное ими поражение.

В качестве таких агентов фашисты выбирают молодых людей в возрасте 20—30 лет, проживающих в провинции и занимающихся незаметным, обыденным делом.

Роль такого агента гестаповцы поручили Нине К.

Чтобы создать среди местного населения впечатление, что она «пострадала от немцев», её время от времени арестовывали. Но даже в тюрьме она продолжала служить гитлеровцам. Её подсаживали в камеры к заключённым советским людям, главным образом к тем, кто подзревался в партизанской деятельности. По заданию гестапо Нина пыталась завоевать доверие заключённых и обещала, в случае освобождения, передать на волю записку или, в крайнем случае, привет. Таким путём немцы надеялись проникнуть в партизанское подполье. Пропски фашистов окончились полным провалом. Советские люди, даже находясь в фашистском застенке, проявили должную бдительность, и

никто из этих героев — впоследствии все они пали от рук гитлеровских злодеев — никто из них не назвал предательнице ни одного партизанского имени. Приветы, которые Нина К. передавала из тюрьмы, как правило, носили адреса, которые не могли дать разведке никаких нитей.

Красная Армия подходила всё ближе и ближе, и друзья Нины К. из гестапо начали готовиться к бегству. Стала собираться и Нина. Но ей весьма вразумительно дали понять, что ни о какой поездке в Германию не может быть и речи. Она должна остаться в городе в качестве немецкого агента. Если же она вздумает протестовать — пусть пеняет на себя: нет такого места, где немецкая разведка не смогла бы её отыскать и расквитаться с ней...

Нине К. дали несколько явочных паролей, а перед самым отступлением немцы ещё раз посадили её в тюрьму. Пусть Красная Армия её освобождает! Это лишь облегчит шпионке дальнейшую деятельность...

Обо всем этом Нина К. рассказала на суде.

* * *

Можно привести ещё один эпизод, из которого видно, как гитлеровские шпионы проникают в советскую среду.

Аптекарь Ц., о котором здесь рассказывается, предстал перед судом военного трибунала в начале войны. К великому удивлению многих лиц, ставших его невольными пособниками, он

оказался шпионом, причём встречавшиеся с ним неоднократно советские люди меньше всего могли заподозрить в нём вражеского агента.

Ц. появился в городе лет 35 назад. Он приехал откуда-то с юга и поступил помощником провизора в аптеку. Тогда это был молодой человек, хороший работник, скромный и тихий на вид, хозяин-немец оценил его и пообещал «вывести в люди».

— Вот когда на старости я уеду в Германию, — неоднократно повторял он, — аптека перейдёт к вам. К тому времени вы накопите денег и сможете купить дело на ходу.

Однако аптеки немцу продавать не пришлось. После октября 1917 года хозяин сбежал, а Ц. стал советским служащим, заведующим этой же аптеки.

Шли годы, Ц. продолжал сидеть за стойкой, принимал рецепты и продавал всякую мелочь. В городе чуть ли не каждый житель знал этого приветливого и словоохотливого аптекаря. Многих своих постоянных клиентов он называл по имени и отчеству. При случае он заботливо осведомлялся о здоровье членов семьи и о том, как идут дела. В аптеку заходили не только за покупками, но просто побеседовать, поделиться новостями. Этому человеку верили, считали, что ему обо всём можно рассказать, к нему шли посоветоваться... Кому могло притти в голову, что этот степенный старик — резидент вражеской разведки, махровый немецкий шпион!?

Основное промышленное предприятие в городе — крупный оборонный завод с давних пор привлекал к себе внимание немецкой разведки. Она создала здесь свою шпионскую шайку, в которую входили главным образом местные жители-немцы; несколько преподавателей, музейные работники, банковский служащий, бухгалтер заводоуправления, художник местного Дома Красной Армии. Ядро этой организации гнездилось в местной кирхе, возглавлял её пастор, а большинство из этих лиц входило в церковный совет. Но немецкая разведка отдавала себе отчёт в том, что неминуемо наступит день, когда органы советской власти ликвидируют всю организацию. В предчувствии этого она начала усиленно вербовать агентов среди местного русского населения. Выбор пал на провизора Ц., о котором было известно, что до революции он работал у хозяина-немца и был у него на хорошем счету. Помимо всего прочего за этим человеком водился «грешок», на котором разведка и сыграла.

Однажды — это было лет за восемь до войны — в аптеку пришёл некий Х., учитель пения, тоже немец, которого Ц. знал давно. Разговорились. Посетитель как бы невзначай сообщил, что получает письма из Германии, от своего старого друга, прежнего владельца аптеки, что тот не забыл Ц., своего верного помощника, и шлёт ему привет.

— Вы бы зашли ко мне как-нибудь вечер-

ком, — сказал Х. — Я покажу вам письма от вашего бывшего патрона.

В один из ближайших вечеров Ц. отправился к учителю пения. Гостю был оказан любезный приём. Разговор начался издалека, но затем хозяин перешёл к делу: считая Ц. другом немцев, он предлагает ему оказывать помощь Германии.

— Вы ведь от большевиков никакой выгоды не получили, не так ли? Если бы не революция, вы были бы уже владельцем аптеки.

Заметив, что Ц. не особенно податлив, хозяин усилил нажим и напомнил ему о некоторых обстоятельствах его юношеской биографии. Он дал понять гостю, что ему известна и его связь с эсерами и работа в лаборатории по выработке взрывчатых веществ. Когда же и это не возымело должного действия, то был пущен в ход главный козырь.

— Нам известны, наконец, ваши более чем странные отношения с царской полицией. Надо думать, что эти подробности и сейчас могут заинтересовать кое-кого из властей...

Здесь Ц. не выдержал и сдался: вербовщик попал в самую уязвимую точку.

В ранней молодости, ещё будучи студентом в Харькове, Ц. действительно занимался политической деятельностью, был эсером и, как химик, работал в подпольной лаборатории взрывчатых веществ. Когда после очередного провала организации Ц. был задержан жандармами, он

весьма быстро согласился сотрудничать с полицией, т. е. стал провокатором.

После февраля 1917 года, а затем и после Октября провокатор лишь случайно не был разоблачён. С тех пор прошло немало лет, Ц. был уверен, что всё уже давно забыто. И вот такая неожиданность застигла его врасплох. Что касается немецкой разведки, то она действовала в данном случае наверняка. Ц. сдался без долгих разговоров и стал шпионом.

В первые годы своей деятельности он выполнял главным образом функции «почтового ящика». Время от времени в аптеке появлялись различные люди и задавали ему один и тот же вопрос.

— Вы провизор Ц.?

На что он отвечал:

— Можете не сомневаться. Это тот, кто вам нужен.

Тогда посетитель под видом рецепта вручал записку, которую Ц. затем посылал «учителю пения».

Со временем круг шпионских обязанностей провизора Ц. расширился. Ему поручили наблюдение за заводом. Пользуясь давнишними знакомствами со многими местными жителями — кадровыми рабочими, Ц. выведывал у них различные заводские новости. Притворно восхищаясь производственными успехами, он расспрашивал о количестве и качестве продукции, о новых изобретениях. Некоторые работники завода, знавшие старика много лет, «по

секрету» сообщали ему о своих производственных делах.

Всё что Ц. узнавал, он сразу передавал немецкой разведке.

Незадолго до начала войны «учитель пения» исчез. На некоторое время Ц. потерял связь с разведкой; но затем в аптеку явился какой-то субъект, назвал пароль и заявил, что на смену исчезнувшему «учителю пения» к аптекарю будут обращаться другие люди.

Всё своё внимание, по приказу неизвестного, Ц. должен был сосредоточить на добывании сведений о том, не началось ли на заводе производство нового вида вооружения.

— На город возможны налёты немецкой авиации, — предупредил далее шпион, — нам очень важно также знать результаты налётов. Сразу же после каждой бомбёжки вы должны обязательно составлять подробный список повреждённых домов с указанием точного адреса. За этим списком к вам будут приходить регулярно...

И Ц. продолжал действовать.

Однажды на город налетела вражеская авиация; в результате налёта имелись жертвы. Ц. подробно расспрашивал приходивших в этот день в аптеку, не пострадал ли кто-нибудь из близких, и весьма интересовался тем, куда именно упали бомбы...

Разоблачить этого шпиона помогла бдительность рядового советского человека.

Один гражданин, ожидавший получения лекарства, обратил внимание на то, что аптекарь слишком подробно интересуется тем, куда упали бомбы, когда же ему называли улицу и дом, он тут же записывал что-то на бумажке, лежавшей у него под ведомостью. Всё это показалось гражданину, наблюдавшему за Ц., подозрительным. Когда провизор отошёл на минутку от стойки, посетитель быстро взглянул на бумажку и, к своему удивлению, увидел ряд адресов, в том числе и те самые, какие только что были сообщены покупателями.

Это странное обстоятельство ещё более усилило подозрения гражданина, и он известил обо всём, что видел, соответствующие органы. За аптекарем начали наблюдать, и в результате фашистский агент предстал перед судом.

2. БДИТЕЛЬНОСТЬ СОВЕТСКИХ ЛЮДЕЙ

Смётка, острый глаз и бдительность русских людей помогли разоблачить немало предателей и шпионов, которых немцы, удирая под натиском Красной Армии, пытались оставить на нашей земле.

Известно немало случаев, когда бдительные бойцы обнаруживали врагов, оставленных немцами в освобождённых районах.

Боец Петренко, проходя с группой товарищей по недавно освобождённому селу, обратил вни-

мание на уборную в одном дворе: нечистоты собирались не в яме, как обычно, а в ящике. Петренко вырос в этих местах и знал, что здесь крестьяне таких уборных не делают. При осмотре оказалось, что ящик легко вынимается, а под ним — лаз в обширную землянку, в которой скрывался враг.

И ещё один случай, происшедший на Украине. Военская часть остановилась на ночлег в небольшом хуторке, откуда немцы не успели угнать население. Боец Гаврилин рано утром вышел из избы. У него перед глазами был весь хутор; из всех печных труб вился дымок. Боец, в прошлом колхозный парень, вспомнил свой родной дом, — как мать, встав, бывало, по-утру, первым делом растапливала печку, а затем уже начинала возиться со скотиной.

Гаврилин обратил внимание на то, что одна единственная труба на весь хутор не дымится. Что бы это могло значить? Он зашёл в эту избу — навстречу женщина. Попросил напиться, разговорился и как бы невзначай спросил, можно ли у печи просушить портянки? Хозяйка смутилась и заявила, что печь, мол, неисправна и её переключивают. Действительно, в избе лежали кирпичи, стояли вёдра с глиной, печь была наполовину разобрана.

— А кто же печь переключивает, небось, мужик твой такой мастер?

— Нет у меня мужика, — грустно сказала женщина. — Немец угнал... Сама печникую..

Тут взгляд бойца упал на руки этой женщины. Никаких следов работы со свежей глиной на них не было. Заинтересовавшись поподробнее, бдительный боец, к своему изумлению, заметил, что и печь-то имеет странную форму. Он тронул один свежеуложенный кирпич — тот легко поддался...

Внутри печи оказалось углубление, в котором прятался фашистский наймит.

Во всех этих и подобных случаях, происшедших в различное время, на различных фронтах, немецкие шпионы были разоблачены благодаря бдительности, проявленной бойцами Красной Армии.

И Петренко и Гаврилин, раскрывший загадку «таинственной печи», — все эти обыкновенные советские люди помнили, что в местах, где побывали немцы, можно нередко встретиться с проявлениями коварства врага. Эти люди приучили себя к наблюдательности и, сталкиваясь со случаями, которые кажутся в данной обстановке странными, не проходят мимо них безучастно.

Зоркость, проявляемая советскими патриотами, служит непреодолимым барьером для немецких шпионов и в корне пресекает все попытки немецкой разведки создать новую сеть своей агентуры.

Одна из трудностей разоблачения вражеских лазутчиков заключается в том, что внешнею своей они мало чем отличаются от остальных

окружающих. Шпион тем и опасен, что он всегда будет стремиться быть незаметным, он никогда не наденет пальто там, где большинство людей носит полушубки.

Невозможно предусмотреть все обстоятельства, которые попытается использовать вражеский лазутчик.

Возьмём, к примеру, офицерскую столовую. В любой столовой можно слышать, как обедающие, нисколько не обращая внимания на окружающих, громко рассуждают о своих служебных делах, о таких вопросах, знать которые посторонним вовсе не обязательно. И совсем не удивительно, что фашистская шпионка Нина К., о которой речь шла выше, выбрала скромное место в военторговской столовой.

Внимание вражеских разведчиков могут привлечь и всякие военно-хозяйственные организации, обслуживающие воинские части или офицеров в индивидуальном порядке, различные ремонтные мастерские, культурно-просветительные и лечебные учреждения и т. д., и здесь шпион может иной раз подслушать ценные сведения, являющиеся военной тайной.

Вот почему каждый боец, каждый советский патриот, где бы он ни находился — на своём боевом или трудовом посту, на улице, в общественном месте или даже у себя дома, — всюду и везде должен постоянно помнить, что первейшая обязанность его перед Родиной — это проявление неослабной бдительности.

Само собой разумеется, что, разоблачая немецко-фашистских шпионов, нельзя вдаваться в крайность. Вовсе не следует усматривать шпиона в каждом встречном, который не так повернулся или допустил какую-либо странность в манере обращения или одежде. Подобная шпиономания оказалась бы только на руку вражеской разведке.

Пресекать деятельность фашистских лазутчиков в нашей стране может и должен каждый советский человек. Святой обязанностью каждого патриота в первую очередь является сохранение военной тайны.

3. ЧТО ТАКОЕ ВОЕННАЯ ТАЙНА?

Что же такое военная тайна?

Прежде всего это все сведения, которые могут дать врагу представление о мощи наших вооружённых сил и облегчить противнику его военные действия против нашей страны.

Это мобилизационные планы страны; сведения о численности армии; о производственных мощностях промышленности и электростанций, сведения о продовольственных ресурсах страны; это весь комплекс вопросов, связанных с работой транспорта, — данные о пропускной способности дорог, степени оснащённости паровозами и вагонами, состоянии путей и пр., это — сведения о новых видах вооружения, об изобретениях и рационализаторских предложениях и др.

По всем этим вопросам — а список их можно значительно удлинить — враг пытается раздобыть возможно более подробные сведения. Враг стремится узнать, сколько наша страна способна выставить дивизий и каких именно, какой у нас собирают урожай, каков объём продукции наших предприятий, где расположены важнейшие заводы и т. д.

Каждый из этих вопросов в свою очередь распадается на многие более мелкие, сопоставление которых даёт общую картину мощи и военного потенциала нашей Родины.

Вражеская разведка стремится узнать также, где расположены дивизии Красной Армии, степень их мобильности, количество и калибр орудий, количество боеприпасов, состояние путей сообщения, степень насыщенности пехоты автоматическим оружием, уровень развития снайперского движения в этой дивизии, качество командного состава и т. п.

В отличие от шпионов, которых засылает агентурная разведка, интересующаяся данными общего порядка, в прифронтовой полосе пытаются действовать агенты вражеской войсковой разведки. Эти шпионы интересуются данными, которые удовлетворяют непосредственно потребности войск, находящихся перед фронтом.

В прифронтовой полосе (а в наш век моторов такая полоса измеряется сотнями километров) вражеский лазутчик пытается узнать численность войск, находящихся на данном участке,

номера соединений, стыки между фронтами, армиями и дивизиями, расположение резервов, характер оборонительных укреплений на определённых направлениях, расположение штабов, складов, средств противовоздушной обороны, местонахождение ремонтных баз. Шпионов интересуют всякие сведения о потерях в отдельных боях и операциях, сведения о ходе восстановительных работ на транспорте и многое другое.

Чтобы раздобыть перечисленные сведения, вражеская разведка прибегает ко множеству ухищрений. И прежде всего она пытается проникнуть в штаб или военное учреждение, завести знакомство с офицерами, ведающими различными вопросами формирования, обучения, снабжения войск.

Вот почему строжайшей военной тайной являются все мельчайшие данные, которые могут дать представление о масштабах работы любого военного учреждения или штаба, сведения о количестве работающих в нём людей, о том, какую должность занимает тот или иной офицер, и т. п.

Разумеется, скрыть самый факт существования военного учреждения, особенно если оно расположено в населённом пункте, невозможно. Но посторонний человек не должен знать, что находится в данном помещении — штаб ли бригады, дивизии, корпуса, армии, отделы ли штаба фронта, военный ли институт, учебное

заведение или какое-нибудь центральное учреждение.

Тайной является и всё то, что связано с военными складами. Склад во многих случаях занимает солидную территорию, причём самый факт его существования также не скроешь от постороннего глаза. Но никто ни в коем случае не должен знать, что именно находится в данном складе, какие соединения или военные учреждения он преимущественно обслуживает, кем снабжается, кто из офицеров и вольнонаёмных работников здесь работает, какие функции он выполняет, и т. п.

К разряду особенно тщательно оберегаемой военной тайны следует отнести всё связанное с передвижением войск. Всякая переброска войск является очень часто признаком того, что идёт подготовка к какой-то операции; немудрено, что вражеская разведка тщательно следит за перебросками. История разведывательной службы богата примерами того, как воюющие стороны узнавали о предстоящих операциях лишь благодаря получению сведений о перевозках большого количества войск, снаряжения и горючего.

Военной тайной являются сведения о характере, сети и расположении военно-учебных заведений. Зная количество слушателей академий и училищ, а также распределение их по роду оружия, вражеская разведка может получить представление о намечающейся реорганизации

армии, а также о степени насыщенности армии офицерскими кадрами, о внедрении в широких масштабах какого-либо нового вида вооружения и многое другое.

Перечислить всё то, что входит в понятие военная или государственная тайна, невозможно. Как об этом говорится ниже, военной тайной может оказаться любой, на первый взгляд даже малоозначащий пустяк.

Ошибочно предполагать, что военной тайной является только то, что спрятано в сейфах и несгораемых шкафах военных штабов и государственных учреждений.

Во время войны понятие военной тайны особенно расширяется. Для того чтобы получить сведения по определённому, интересующему разведку вопросу, вовсе не всегда необходимо проникнуть в несгораемый шкаф. Поскольку добыча секретных документов дело сложное, фашистская разведка нередко идёт другими путями. Один из приёмов, посредством которого вражеская разведка пытается раздобыть нужные ей сведения, — это сопоставление добытых её агентами многих мелких фактов и данных. Каждый из этих фактов на первый взгляд не представляет собой ничего интересного и не содержит ничего секретного. Но это лишь на первый взгляд. При сопоставлении этих фактов и цифр враг имеет возможность получить достаточно полное представление по многим вопро-

сам — из области военной, промышленной или общегосударственной.

Для того чтобы установить, например, что в определённом месте расположена именно дивизия, а не какое-либо другое соединение, шпиону достаточно натолкнуться на некоторые признаки, о которых общеизвестно, что они характерны для дивизии. Такими признаками может служить дивизионный клуб Красной Армии, дивизионный семинар агитаторов, дивизионная печатная газета, дивизионная партийная комиссия и т. п. Шпиону достаточно уловить обрывок разговора, из которого следует, что подобное учреждение находится здесь, и наличие дивизии будет установлено.

Ещё до войны на Украине судили одного немецкого шпиона. Его послали к нам с заданием установить, где расположены штабы некоторых новых крупных соединений, о существовании которых немцам стало известно.

Шпион приступил к выполнению своего задания весьма просто: он целыми днями слонялся по улицам одного города и высматривал дома, к которым часто подъезжали машины, в подъезды которых входило много военных. Такой дом он брал под особое наблюдение и устанавливал за ним слежку. За короткое время шпион безошибочно установил местонахождение четырёх штабов и определил, к какому роду войск эти штабы принадлежат.

Свои выводы лазутчик делал, наблюдая командиры каких званий наиболее часто появлялись у этого дома, а также трафаретки на знаках различия большинства появляющихся командиров. В двух случаях шпион решил, что он натолкнулся на штабы корпусов — кавалерийский и пехотный, и оба раза не ошибся. Этот немецкий агент был разоблачён благодаря бдительности часового, который обратил внимание на то, что какой-то субъект слишком долго сидит на бульваре, уставясь в газету и как будто вовсе её не читая и не переворачивая.

Иной раз военную тайну можно разгласить вследствие пустякового упущения. Может случиться, что какой-либо склад, имея большое количество негодной, разбитой в щепы тары, отдаёт эту щепу на растопку своим сотрудникам, живущим вне складской территории. Но на отдельных дощечках остаются фабричные знаки какого-либо известного своей продукцией завода, или отметки железной дороги, или ещё что-либо, указывающее на происхождение тары. Попадись такая дощечка на глаза вражескому разведчику, — и это уже даст возможность установить, что именно хранится на складе.

Факт переброски войск с одного места в другое может стать известным самыми различными путями. В прифронтовой город, скажем, прибыла воинская часть. На перроне, где она выгрузилась, или в вагонах могут остаться всякие бумажки и среди них обрывки газеты, издаю-

щейся в том городе, откуда часть прибыла. Шпиону, который на прифронтовой станции является непрошенным, но частым гостем, вполне достаточно такого обрывка газеты, чтобы определить, откуда данная воинская часть переброшена.

Военная тайна в широком смысле этого слова доверена почти каждому советскому человеку, независимо от того, военнотружаший он или находится вне армии, большую или «малую» работу он выполняет. И достаточно случайно оброненного слова или неосторожной фразы, допущенной в письме, чтобы эта тайна была раскрыта и стала достоянием тех, кому её знать вовсе не следует.

Путём расспросов, на первый взгляд кажущихся вполне невинными, заинтересованное лицо может от прибывших с фронта раненых узнать о количестве потерь, понесенных той или другой частью в боях за последнее время; беглая фраза, упоминающая о предстоящей поездке работника военторга на базу или к начальнику, может послужить поводом к тому, чтобы вражеский разведчик установил, какая часть находится на данном участке и в какое соединение она входит; из разговора о служебной телеграмме лазутчик может выяснить, в каком состоянии находятся средства связи определённого района.

Любой из перечисленных примеров ясно говорит о том, насколько правильным яв-

ляется известное положение: болтун — находка для шпиона.

Путь от языка болтуна до вражьего уха извилист, но вовсе не так уж длинен. И пусть даже будет уверенность, что соседка — безобидная женщина, далека от шпионажа, а что жена, муж, сын или дочь уже вовсе не связаны с немецкой разведкой, — всё равно невозможно предусмотреть все те случайности, с помощью которых враг узнает то, чего знать ему не полагается.

4. БОЛТУН — НАХОДКА ДЛЯ ВРАГА

Самой благоприятной атмосферой и средой для шпиона является обстановка распущенности, болтливости.

Держать язык за зубами — вот золотое правило народной мудрости, которого придерживается каждый советский патриот, каждый, кому дороги интересы государства. Подлинный советский патриот нигде, никогда и никому не говорит ничего лишнего. Он всегда помнит, что одно слово, дошедшее до вражеского слуха, может нанести непоправимый вред.

Не следует утешать себя тем, что человек, с которым ты поделился той или иной новостью, — твой хороший знакомый или друг, на которого можно положиться, «как на каменную стену». Нельзя забывать, что тайна, которая стала известна другому человеку, хотя бы даже

самому близкому, уже перестаёт быть тайной. Но особенно недопустимо, когда человек проявляет излишнюю словоохотливость в присутствии посторонних. Между тем подобные явления чаще всего можно наблюдать в пути. Каждый, кому приходилось много ездить по железной дороге, может вспомнить, вероятно, не один случай, когда он сталкивался с такими болтунами. В вагоне можно услышать, как люди, побывавшие на войне, рассказывают о своих «подвигах». Надо сказать, что нередко такие словоохотливые люди — попросту лгуны, так как подлинным героям всегда присуща скромность. Особенно вредна такого рода болтовня потому, что в ней нередко встречаются некоторые правдивые детали, заимствованные из действительности и могущие дать представление лицам посторонним о том, чего им знать никак не полагается.

Само собою понятно, что такие условия весьма благоприятны для всякого рода вражеских лазутчиков, только и ждущих встречи с беспечным и не знающим удержи болтуном или вралем.

Шпионы Ч. и К., о которых уже шла речь, имели задание свободно разъезжать по стране. В своих показаниях они прямо заявили, что одним из наиболее ценных для них источников информации были именно вагонные встречи. Вражеские агенты разъезжают то под видом военнослужащего, то степенного инженера или

солидного советского работника. Большею частью все они неплохо владеют искусством выпытывания, этому шпионов специально обучают. И пассажир, страдающий недержанием речи, столкнувшись с замаскированным шпионом, даже не заметит, как разговор перейдёт на тему, интересующую его собеседника.

Особенную опасность представляет вражеский лазутчик, которому удаётся затесаться в воинский эшелон или в отдельно следующую воинскую команду. Между тем нередко бывает, особенно на прифронтовых дорогах, когда военнослужащий, чаще всего офицер, опаздывающий из отпуска или из командировки, просит подвезти его в воинском эшелоне. Под видом такого «опаздывающего» может действовать вражеский лазутчик.

Австро-венгерский шпион периода первой мировой войны некий Сноуден, орудовавший одно время и на русском фронте, в своих опубликованных впоследствии записках признаёт, что поездки в воинских эшелонах являлись одним из наиболее действенных методов его работы. Он разъезжал по России в форме и с документами унтер-офицера русской армии, и это было наиболее удобной маской при передвижении. Главная трудность, как он сам признаёт, заключалась в том, чтобы пробраться в эшелон. Но стоило только её преодолеть (а это ему много раз удавалось), и всё затем шло как по маслу. Никто в пути не тревожил его никакими

проверками документов, а из разговоров, которые он умело заводил со своими спутниками, он всегда узнавал то, что его интересовало.

Как бороться в данном случае со шпионом? Во-первых, следует строго-настрого соблюдать правило, согласно которому ни одно постороннее лицо, не имеющее на это права, ни под каким предлогом не должно получать разрешение на проезд в воинском эшелоне. Если такой пассажир получает всё же специальное разрешение, то все остальные пассажиры постоянно помнят, что среди них находится посторонний, и беседуют весьма сдержанно.

В то же время каждый советский патриот, удостоверившись в том, что его случайный собеседник начинает вдаваться в какие-нибудь излишние подробности, всегда сочтёт своим долгом призвать такого не в меру говорливого субъекта к порядку и остановить его словолито.

Военной тайной, как уже подчёркивалось, является не только содержание приказа, секретного документа, плана. Ею может оказаться любой мелкий факт из жизни воинской части, предприятия или учреждения.

В подтверждение этого положения можно привести пример из истории зарубежной разведывательной службы.

Бельгийская патриотка некая Марта Мак-Кенна во время первой мировой войны действовала в качестве разведчицы в немецком тылу.

В целях конспирации она поступила в немецкий госпиталь как медицинская сестра и завела обширные знакомства среди немецких офицеров.

В книге, которую Мак-Кенна впоследствии опубликовала, приведено немало случаев, когда разведчица добывала необходимую информацию именно путём сопоставления мелких фактов трезвостепенной важности.

Как-то она обратила внимание на то, что изредка мимо окон госпиталя проносятся трамваи, груженные ящиками с боеприпасами. Через некоторое время она установила, что трамваи проезжают регулярно в один и тот же день — во вторник, когда на местную станцию прибывает воинский эшелон. Из дальнейших наблюдений Марта Мак-Кенна установила, что эшелон этот приходит в различные часы: и утром и вечером. Обо всём этом она сообщила своим и вскоре получила задание: заблаговременно оповестить о прибытии очередного эшелона, с тем чтобы его можно было подвергнуть бомбардировке с воздуха.

Приступив к выполнению задания, Мак-Кенна вспомнила, что среди её знакомых имеется комендант вокзала. Он неоднократно приглашал её на загородную прогулку, но она всё увиливала. Теперь приглашением следовало воспользоваться. Мак-Кенна отправилась на вокзал и как бы случайно повстречалась с комендантом. Тот, как всегда, был очень лю-

безен и повторил своё приглашение. На сей раз Мак-Кенна ответила согласием.

— Во вторник, — сказала она, — у меня свободный день, и я смогу выкроить для вас несколько часов.

— Жаль, — возразил комендант, — вторник для меня как раз день весьма неудобный. Впрочем, — и он заглянул в записную книжку, — моё присутствие здесь необходимо только с шести часов вечера, так что днём мы сможем съездить за город подышать свежим воздухом.

Разведчица таким образом поняла, что в ближайший вторник эшелон прибудет в шесть часов вечера. Вывод её оправдался: поезд с боеприпасами прибыл в шесть часов, а вскоре налетела союзная авиация, которая очень удачно разбомбила станцию.

Эпизод этот весьма поучителен. Мог ли в самом деле комендант станции предположить, что одно его вскользь брошенное замечание приведёт к столь серьёзным последствиям? Между тем оказывается, что при известных обстоятельствах и такой незначительный как будто факт, как расписание свободных часов какого-либо служебного лица, является военной тайной.

С подобным положением можно столкнуться на каждом шагу. Никто, например, не гарантирован от того, что он не наносит вреда, ведя слишком откровенные разговоры по телефону.

В первую очередь это должно быть отнесено ко всякого рода разговорам из различных бюро пропусков, особенно военных учреждений, штабов, наркоматов и т. д. Ибо легко может случиться, что такой излишне подробный или откровенный разговор будет услышан посторонними людьми, а может быть даже и вражеским лазутчиком.

Бывает, что те, кто получают пропуск, разговаривают по внутреннему телефону об обстоятельствах своего дела. Если бы здесь находился шпион, он без труда мог бы узнать кое-что из того, что следует хранить в секрете. Именно здесь легче всего подслушать, что происходит сбор офицеров, изучающих определённый вопрос, что на определённом участке произошла смена командования, что рассматриваются сметы или планы строительства и многое другое.

Между тем шпиону иной раз достаточно одного только намёка, и он получит ключ к важному секрету.

Возьмём для примера такой вопрос, как перемены и перемещения лиц командного состава. О каждом сколько-нибудь значительном факте такого рода вражеская разведка стремится узнать возможно быстрее, а причины его тщательно анализирует.

Что касается данных о происшедшей смене командования, то разведка пытается их получать самыми различными путями: от проболтавшегося мелкого работника штаба, от членов

семьи, проживающих в глубоком тылу, от парикмахера, обслуживавшего генерала и некстати сболтнувшего, что он лишился высокопоставленного клиента, и т. д.

5. ЗОРКО ОХРАНЯЙ ДОКУМЕНТЫ

Нельзя оставлять ни одной щели, через которую мог бы пролезть фашистский шпион. Чтобы эти щели были плотно закрыты, в значительной мере зависит от командиров и начальников. Если они будут хорошо исполнять свои обязанности, шпиону трудно будет к ним подойти. У хорошего начальника всегда в части или в учреждении будет порядок, все секреты хранятся крепко и надёжно, работа исполняется добросовестно. Такие начальники будут подбирать себе хороших помощников, а каждый из помощников в свою очередь будет стараться подбирать себе хороших, честных сотрудников. Поскольку это будет так, доступ шпиону в это учреждение окажется закрытым.

Это относится решительно ко всем. На первый взгляд какое-нибудь учреждение может показаться маловажным, не таящим в себе никаких государственных секретов. Но так не бывает. Нет учреждения, которое в конечном счёте не соприкасалось бы с таким вопросом, который составляет охраняемую законом тайну, или не смогло бы послужить убежищем для шпиона.

Таким образом, и от работников «второстепенных» организаций требуется острая бдительность и наблюдательность.

Мы уже указывали на то, что вообще не существует «маловажных» работ, которые в той или иной степени не соприкасались бы с военной тайной. Даже такой «незаметный» работник, как курьер, уборщица или истопник, особенно в военном учреждении, может привлечь к себе внимание шпиона как нужный ему человек.

В практике разведывательной работы известен случай, когда при помощи курьера были раскрыты важные государственные секреты.

Одна из разведок поставила себе целью найти доступ к почте определённого государственного учреждения. Шпион, получивший соответствующее задание, начал с наблюдения за экспедицией. Ему нетрудно было установить, что городскую почту развозят здесь курьеры. Тогда он стал присматриваться к этим курьерам, и один из них, молодой парень, почему-то особенно привлёк его внимание. Установив, что этот парень живёт с одинокой матерью — болезненной старушкой, шпион сумел поселиться по соседству. Он завёл знакомство со старушкой, оказывал ей мелкие услуги, завоевал её расположение и через неё подружился с сыном.

Сделать всё это было нелегко, но усилия, затраченные шпионом, с лихвой оправдали себя. В конце концов молодой человек был завербо-

ван, после чего он стал знакомить шпиона со всей почтой, какую ему как курьеру предстояло разносить. Шпион быстро просматривал почту и сразу отбирал интересовавшие его пакеты. На квартире у него находились все необходимые принадлежности, благодаря чему требовалось буквально несколько минут, чтобы вскрыть пакет, даже если он, как секретный, был надлежащим образом прошит и запечатан; после этого документы фотографировались и вновь тщательно запечатывались. Всё это делалось чисто, и только экспертиза, пожалуй, в состоянии была бы определить, что пакет вскрывался. Что касается его получателей, то они, как водится, ограничивались лишь весьма поверхностным осмотром; впрочем, чаще всего пакеты вскрывались техническими работниками, вообще не обращавшими внимания на то, повреждён конверт или цел.

Долгое время вся эта история оставалась нераскрытой, и шпион таким путём добыл немало важных сведений.

Этот пример весьма поучителен. Ибо ни одна экспедиция, особенно военного или государственного учреждения, не может поручиться, что вражеская агентура не делает никаких попыток ознакомиться с содержанием пересылаемой ею переписки.

Следует подчеркнуть, что деловая переписка, особенно военных учреждений, вообще привлекает к себе внимание вражеских разведок.

Шпион не упустит ни одного случая, чтобы не сунуть свой нос в любую бумажку или ознакомиться хотя бы бегло с содержанием любого официального документа в надежде заполучить что-либо интересное.

Подобным проискам немецко-фашистской разведки советские люди противопоставляют свою настороженность, революционную бдительность, тщательно и разумно охраняя все мало-мальски важные документы.

Бдительный работник никогда не будет небрежно обращаться с вверенными ему деловыми бумагами. Его стол не будет завален в беспорядке бумагами, и уже, конечно, у него посторонний человек не сумеет прочесть ни одной строки в любом официальном документе.

Действительно преданный своему делу работник, сознающий свою ответственность и свой долг, никогда не станет задерживать у себя без необходимости деловую переписку. Бумаги, нужные для текущих дел, будут аккуратно разложены у него по папкам. Отлучаясь даже на короткое время из комнаты, он всё уберёт в ящики стола и закроет их. А в ящиках у него будет царить полный порядок.

Существует строгое правило, согласно которому все документы и издания, содержащие в себе военную или государственную тайну, снабжаются соответствующим ограничительным грифом. Имеются твёрдые правила размноже-

ния, рассылки и хранения подобных документов. Несоблюдение этих правил влечёт за собой наказание по суду.

Точное соблюдение правил обращения с так называемыми «грифованными» документами даёт полную гарантию того, что во вражескую разведку не просочатся важные сведения. Но и этого иной раз бывает недостаточно. Ведь вовсе не следует, что документы без грифа не представляют собой никакого интереса для шпиона. Нередко встречаются также материалы, которые сами по себе не являются секретными, но тем не менее могут дать ключ к раскрытию военной тайны. Речь идёт о переписке, говорящей о структурных особенностях учреждения, о подготовке каких-либо мероприятий, о предстоящих перебросках, о наличии запасов и о многом другом. Иногда даже адрес того или другого учреждения представляет интерес для вражеской разведки.

Разумеется было бы нелепо увлекаться излишним «загрифовыванием» чуть ли ни всей деловой переписки. Это вызвало бы только ненужные хлопоты, задержало бы прохождение бумаг и в конце концов нанесло бы ущерб...

Но в каждом учреждении, и особенно в военном, должен быть установлен чёткий порядок, при котором со всяким решительно документом знакомится только тот работник, кому это необходимо по роду службы. Ни один человек

не должен проявлять праздного любопытства к документам, которые не имеют к нему прямого отношения.

Не следует также забывать о том, что иностранные разведки интересуются даже содержанием мусорной корзины — обыдённой принадлежностью рабочего кабинета.

В самом деле, куда девается содержимое этой корзины? Вам скажут, что на это могут ответить только уборщицы. Совершенно напрасно, ибо весьма полезно поинтересоваться, что происходит даже с изорванными бумагами после того, как уборщица вынесла мусор из кабинета. Если окажется, что содержимое корзины доставляют в котельную и там сжигают, то не мешает кому-либо из ответственных людей время от времени проконтролировать, действительно ли мусор сжигается весь без остатка и как поставлено это дело.

Однажды было установлено, что в одном из государственных учреждений служил в качестве истопника шпион. В этой малопривлекательной профессии его прельщала возможность обшаривать ежедневно несколько мешков мусора, собранного из всех корзин данного учреждения. Перед тем как заняться своими прямыми обязанностями, «истопник» (он был весьма толковым офицером иностранной разведки) тщательно осматривал каждый клочок изорванной бумаги и находил таким путём немало интересного.

Известны также случаи, когда шпионы под видом сборщиков утиль-сырья покупали мусор у истопников и уборщиц.

6. КОВАРНЫЕ МЕТОДЫ

Любой человек не застрахован от того, что он так или иначе может неожиданно для себя оказаться в поле зрения вражеской разведки. Враг может начать свою «атаку» различными средствами и в разных направлениях.

Здесь первенствующее значение будет иметь моральная стойкость советского гражданина. Вербовщик, наметив свою жертву, начнёт отыскивать её слабые стороны и уязвимые места. Он присмотрится к привычкам данного человека, изучит его личные качества, его семейный быт, будет искать какое-либо «пятнышко» в его прошлом.

Однако человек честный, правдивый, чистый в своих поступках, разборчивый в знакомствах, избегающий случайных связей, недоступен для воздействия вражеской разведки.

Ни один человек не может поручиться, что он не совершит ошибки. Однако честный человек, допустив какую-либо ошибку, не станет бояться ответственности и сразу же примет все необходимые меры для её исправления.

Тот же, кто, проявив минутное малодушие, постарается скрыть случившееся, стараясь таким путём избежать ответственности, уйти от

неё, — неизбежно становится лёгкой добычей вражеской разведки. «Коготок увяз — всей птичке пропасть», говорит пословица. А вражеская разведка только и ждёт такого рода возможностей.

...Адъютант одной из кавалерийских школ Ш-н, придя однажды на службу, обнаружил пропажу чистых бланков-требований для проезда по железной дороге. Согласно инструкции, бланки должны были храниться в сейфе. Вопреки этому Ш-н держал их в ящике своего стола.

Адъютант сразу доложил о случившемся своему начальнику, затем он растерялся и, убоявшись ответственности, решил солгать и заявил, что бланки нашлись.

В этом проступке ему пришлось уже на следующий день горько раскаяться.

Работавшая в штабе машинистка, улучив момент, когда в комнате не было посторонних, вдруг завела странный разговор. Говорила она туманно, изъясняясь всякого рода намёками, но смысл её речей в общем был понятен: она предупреждала о своём намерении разоблачить Ш-на.

Ш-н был поражён. С этой скромной на вид женщиной он работал давно, казалось хорошо знал её и меньше всего мог от неё ждать такого поступка. Однако машинистка не выражала желания отказаться от своего намерения. Ш-н, убедившись в этом, стал просить не выдавать его. Ответ был достаточно ясен.

— Услуга за услугу, — заявила машинистка. — Вы давно обещали устроить мне прибавку к жалованью. Сдержите, наконец, своё слово.

Скрепя сердце, адъютант стал выплачивать ей дополнительно небольшую сумму.

Так продолжалось некоторое время. Однажды к адъютанту пришёл муж машинистки и заявил, что ему известно о пропаже бланков и о том, что Ш-н обманул своего начальника.

В первую минуту адъютант решил, что ему снова удастся откупиться деньгами. На сей раз однако дело приняло другой оборот. Посетитель оказался шпионом и стал вербовать Ш-на. Он требовал сведений о численном составе школы, о её вооружении, о том, кого здесь готовят и в какие части направляются выпускники. Шпион интересовался также учебными планами, программами, сведениями о лабораторном оборудовании, мобилизационными планами и многим другим.

Ш-н возмутился и пригрозил шпиону арестом, но тот заявил, что возмущаться не приходится, так как и сам адъютант, мол, уже давно работает с ним заодно.

— По тем воинским требованиям, какие у вас пропали, уже давно разъезжают наши люди...

Ш-н вторично струсил и больше не стал противиться.

Вражеская разведка давно облюбовала адъютанта в качестве объекта для вербовки. По роду своей службы он имел доступ к секретным де-

лам и поэтому представлял собой интерес для разведки. Бланки украла машинистка, которая также оказалась шпионкой.

Разобравшись в этом поучительном случае, можно установить, что Ш-н стал предателем в результате ряда совершённых им ошибок.

Началось с того, что он нарушил правила хранения документов. Обнаружив, что бланки пропали, он, вместо того чтобы честно заявить об этом кому следует, солгал и скрыл факт пропажи. Если бы однако Ш-н не проявил малодушия и дал возможность тщательно расследовать все обстоятельства пропажи бланков, то можно не сомневаться в том, что орудовавшая в штабе шпионка была бы разоблачена значительно раньше. Но и это не всё. Следственные органы, поставленные в известность о пропаже бланков, номера которых известны, получили бы возможность обезвредить всех шпионов, разъезжавших по этим проездным документам.

Всего этого сделано не было. Утаив факт пропажи документов, Ш-н тем самым уже совершил тягчайшее преступление. Далее он скатился до прямого предательства, выдал шпиону секретные сведения, сам стал заправским шпионом и, в конце концов, был разоблачён.

* * *

Фашистские агенты, пытающиеся проникнуть в военную тайну, прибегают к самым подлым методам. Подрывной деятельности вражеских

лазутчиков советские патриоты противопоставляют большевистскую бдительность.

Но с особой остротой встаёт вопрос о бдительности, когда речь идёт о сохранении тайны советскими воинами, находящимися на чужой земле, за пределами нашей Родины.

Само собой разумеется, что теперь, когда Красная Армия, изгнав немцев из пределов Советской страны, бьёт врага на подступах к его берлоге и на его собственной территории, активность немецко-фашистской агентуры возрастает. То обстоятельство, что советский воин, находясь в чужой стране, не всегда достаточно хорошо знаком с нравами этой страны и местным бытом, также облегчает действия вражеского лазутчика. Фашистскому шпиону легче замаскироваться в такой обстановке, легче найти себе помощников.

Очищая города и сёла от немецких оккупантов, Красная Армия несёт жизнь народам Европы. Население, освобождённое от фашистского ига, восторженно встречает советские войска. Советскому человеку понятны эти проявления чувства благодарности. Но всё это ни в какой мере не должно ослаблять бдительности наших бойцов и офицеров.

В первые дни после вступления наших войск на территорию Румынии, например, имели место провокационные выходки со стороны немецко-фашистской агентуры. Известны случаи, когда немецкие агенты, переодетые в советскую форму,

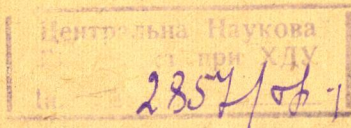
затевали провокации, рассчитанные на то, чтобы подорвать престиж Советского Союза в глазах местного населения. Только исключительная прозорливость, выдержка и острая бдительность бойцов и офицеров Красной Армии помогала разоблачать гитлеровских шпионов и провокаторов.

Находясь не на нашей земле, советский воин будет чаще сталкиваться с вражескими попытками проникнуть в военную тайну. Вот почему от советских людей, находящихся за пределами нашей Родины, требуется исключительно высокая революционная бдительность.

Всюду и везде советский воин не имеет права забывать о своей священной обязанности перед Родиной, строжайше сохранять военную и государственную тайну, разоблачать шпионов и их пособников — болтунов, ротозеев, разгильдяев, всячески помогать советской контрразведке в её почётной работе по выкорчевыванию фашистской скверны.

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
1. Гитлеровские шпионы	3
2. Бдительность советских людей	24
3. Что такое военная тайна	28
4. Болтун — находка для врага	36
6. Зорко охраняй документы	43
5. Коварные методы	49

Редактор полковник *Крутиков А. И.*
Технический редактор *Коновалова Е. К.*
Корректор *Соловьева М. В.*

* * *

Г800086. Подписано к печати 25.1.45 г. Объем 1³/₄ п. л.
Заказ № 1051.

* * *

1-я типография Управления Воениздата **НКО**
имени С. К. Тимошенко

